

Online First

Вестник международных организаций. 2024. Т. 19. № 3. С.

Научная статья

УДК 339.54

JEL F13

doi:10.17323/1996-7845-2024-03-04

Место Южной Кореи в формировании глобального регулирования цифровой торговли¹

Коргун И.А.

Коргун Ирина Александровна - доктор философии, доцент, Университет иностранных языков Хуанхэ, Сеул, Южная Корея, 02450 107 Имун-ро, Тондэун-гу, Сеул;
irinakorgun@gmail.com

Аннотация

В последние несколько лет в мире наблюдалось усиление регулирования цифровой торговли, проявившееся в росте ограничительных мер на передачу данных, проведение финансовых транзакций онлайн, требований к раскрытию программного кода и т.д. Увеличение числа подобных регуляторных мер и их отличие в зависимости от страны стали одной из причин фрагментации мировой торговли, усугубляющееся отсутствием единых международных правил, подобных правилам ВТО в отношении классической торговли товарами и услугами. Вводя регулирование, правительства руководствуются национальными экономическими и стратегическими интересами своих стран, которые чаще всего не совпадают.

Настоящее исследование посвящено анализу подхода Республики Корея (Южная Корея; Р.Корея) к регулированию цифровой торговли на международном и региональном уровнях. Международный уровень представляет собой многостороннее регулирование цифровой торговли в ВТО, в то время как региональный уровень – преференциальные соглашения о свободной торговле, включающие главу об электронной торговле либо соглашения о цифровой торговле.

В статье отмечается, что Южная Корея в силу своей роли производителя цифровых технологий и развитого внутреннего рынка цифровых услуг, находится в центре инициатив по созданию международного и регионального регулирования цифровой торговли. Исследование приходит к выводу о том, что, как и многие страны, Корея, поддерживая переговоры по электронной коммерции в рамках ВТО, более охотно использует преференциальные соглашения о цифровой торговле либо классические соглашения о свободной торговле с положениями о цифровой торговле. Это связано с тем, что соглашения являются довольно гибким инструментом гармонизации правил в процессе их формирования без необходимости принимать на себя жёсткие обязательства.

В статье проведен анализ текстов корейских соглашений, которые позволил выявить различия в уровне обязательств в зависимости от партнера по соглашению. Анализ показал, что Южная Корея стремится сохранить как можно больше автономии для принятия

¹ Статья поступила в редакцию 28.02.2024

рестриктивных мер в отношении режима передачи данных и других вопросов, центральных для цифровой экономики. Одновременно, страна взаимодействует с более сильными торговыми партнерами – США и ЕС – по вопросам регулирования цифровой торговли, сочетая принципиально разные регуляторные подходы, что указывает на ее желание усилить свое нормативное влияние на процесс выработки международных правил регулирования цифровой торговли.

Ключевые слова: международное регулирование, цифровая торговля, торговая политика, Южная Корея, соглашения о цифровой торговле, ВТО

Для цитирования: Коргун И.А. Место Южной Кореи в системе глобального регулирования цифровой торговли// Вестник международных организаций. 2024. Т. 19. № 3. С. (на русском и английском языках). doi:10.17323/1996-7845-2024-03-04

Введение

Быстрое развитие цифровых технологий создало благоприятные условия для роста цифровой торговли. В последние 20 лет цифровая торговля являлась одной из наиболее динамично расширяющихся сфер международной торговли со среднегодовыми темпами роста 7% [Jaax, Miroudot, van Lieshout 2023].

Увеличение международной значимости цифровой торговли создало запрос на соответствующее регулирование, удовлетворяющее специфике данной сферы международных отношений. Эта специфика связана, прежде всего, с передачей и локализацией данных, обеспечением безопасности данных, доступом к алгоритмам и программным кодам, которые относятся к ключевым элементам конкурентоспособности компаний в условиях цифровой экономики. Однако, несмотря на многочисленные попытки гармонизированный международный подход к регулированию цифровой торговли, аналогичный правилам ВТО в отношении торговли товарами и услугами, выработан не был. В настоящих условиях процесс регуляторные инициативы развиваются параллельно на трех уровнях: национальном, региональном и международном.

Международный уровень представлен многосторонней системой ВТО. В рамках организации с 2017 г. ведутся переговоры, получившие название «Совместная инициатива по электронной коммерции» (Joint Initiative on E-Commerce), целью которой является выработка минимально приемлемых международных регуляторных стандартов для цифровой торговли. В силу различных обстоятельств, включая кризис внутри самой ВТО, переговоры продвигаются довольно медленно. Отсутствие прогресса стало одной из причин, почему многие страны, включая Р.Корея, стали экспериментировать с регулированием на национальном и региональном уровнях.

Региональные соглашения в сложившихся условиях наиболее востребованы для ведения диалога и согласования регуляторных подходов между торговыми партнерами. Но несмотря на то, что соглашения позволяют экспериментировать с различными мерами, рост их числа вызывает критику, аналогично той, что ранее звучала в адрес классических соглашений о свободной торговле, а именно: они становятся причиной эффекта «миски лапши» - сосуществования множественных торговых режимов регулирования [Weber, 2015 342]. В результате происходит регуляторная фрагментация. Наиболее явно она проявляется в

случае трех крупнейших экономик – США, ЕС и Китая, которые исходят из различных принципов регулирования данных.

В настоящей статье исследуется подход Южной Кореи к формированию регулирования цифровой торговли на глобальном (многостороннем) и региональном уровне. Этот подход определяется сравнительными преимуществами страны в производстве цифровых технологий, развитии внутреннего рынка электронной коммерции, уровне развития цифровых услуг и рядом других факторов. Следуя концепции А. Бедфорд о «трех цифровых державах», которыми являются США, ЕС и Китай, исследование определяет схожие с каждой из держав элементы в корейском подходе к регулированию данных. Так, с Китаем страну объединяет определяющая роль государства в формировании запроса на регулирование, с ЕС – центральное место прав граждан на конфиденциальность личных данных, в то время как с США – элементы рыночной модели в части соблюдения интересов крупных технологических компаний. Сочетая в себе элементы различных подходов, Р. Корея стремится усилить свое влияние на процесс формирования регулирования на региональном и многостороннем уровнях.

Обзор литературы

Исследования, посвященные проблемам регулирования цифровой торговли, условно можно разбить на три группы. Первая группа, преимущественно представленная публикациями международных организаций – ВТО, ЮНКТАД и ОЭСР, сфокусирована на проблеме статической оценки потоков цифровой торговли, что необходимо для сбора информации как части обеспечения процесса выработки регуляторных мер. Статистические методы для учета потоков цифровой торговли находятся только в стадии формирования и унификация принципов оценки цифровых торговых потоков способно оказать большое влияние на регулирования.

Вторая группа работ исследует подходы в регулировании цифровой торговли на региональном и многостороннем уровне, а также в отдельных странах. В этих работах, как правило, отмечается конкурентный характер правил, которые страны продвигают, при этом авторы работ воздерживаются от рекомендаций относительно того, какими должны быть принципы международного регулирования цифровой торговли. Многие исследователи предупреждают об опасности более глубокой фрагментации регулирования цифровой торговли, которая приведет к дополнительным издержками и потребует значительных усилий для гармонизации торговых правил в будущем.

Третья группа работ представлена исследованиями, которые количественно оценивают влияние цифровизации на различные сектора экономики и национальное благосостояние. Хотя с точки зрения статистики все еще существуют трудности в определении того, что может быть использовано в качестве показателя цифровизации экономики, эти исследования представляют важные свидетельства экономического эффекта цифровых технологий. Ниже приведён обзор некоторых работ из каждой группы.

Вебер [Weber 2015] отмечает отсутствие прогресса в многосторонних переговорах о регулировании цифровой торговли и указывает на более динамичный характер региональных инициатив. Его исследование обращает внимание на несоответствие действующих многосторонних правил торговли специфике цифровых технологий и новых видов товаров и услуг, которые они генерируют. По мнению Вебера, одной из наиболее очевидных проблем является статистический учет потоков цифровой торговли, так как

продукт может быть одновременно и товаром и услугой. Правила ВТО рассматривают товары и услуги отдельно и не предусматривают их сочетание в одном продукте.

Муругане [Mourougane 2021] более глубоко исследует вопрос статистического учета цифровой торговли и предлагает методологию, которую можно применить для этой цели. Мельцер [Meltzer 2019], в свою очередь, обращается к проблеме балансирования многосторонних и региональных правил для регулирования цифровой торговли. Он подчеркивает важность выработки правил ВТО, соответствующих специфике цифровой торговли. По мнению Мельцера, наличие глобальной архитектуры регулирования является необходимым условием для обеспечения равноправного участия различных стран в мировой цифровой торговле. Другое исследование по теме регулирования, опубликованное Гонсалесом [Lopez Gonzalez, Ferencz 2018], подходит к регулированию с иной точки зрения: оно подчеркивает важность адекватного регулирования, учитывающее специфику цифровой торговли и вопросы безопасности, но не препятствует потокам цифровой торговли. Согласно аргументу Гонсалеса, установление глобальных правил является наиболее оптимальным способом достижения этих целей. Таким образом, различные авторы, признавая важность глобального регулирования цифровой торговли, делают упор на различных задачах: в одном случае это равномерное включение стран в новую архитектуру, во втором – обеспечение свободы передачи данных.

В работе Митчелла и Мишра [Mitchell, Mishra 2021] обсуждаются существующие национальные режимы регулирования цифровой торговли. Они особо обращают внимание на аспекты расхождения национального регулирования как с имеющимися немногочисленными многосторонними, так и региональными правилами для цифровой торговли. Авторы подробно обсуждают проблему фрагментации режима регулирования, которая может привести к фрагментации мировой экономики.

Монтеиро и Тех [Monteiro, Teh 2017] проанализировали обязательства в отношении электронной коммерции в региональных преференциальных торговых соглашениях и пришли к выводу, что несмотря на то, что положения об электронной коммерции все чаще становятся предметом переговоров, глубина и объем обязательств сильно варьируется в зависимости от конкретного соглашения. Одна и та же страна может иметь различные обязательства с разными партнерами. Данное обстоятельство также является признаком фрагментации регулирования цифровой торговли.

В исследовании Бурри [Burri 2020] рассматриваются вызовы для регулирования, обусловленные присущей цифровым технологиям «нематериальностью». Автор оценивает адаптацию преференциальных торговых соглашений к правилам ВТО в торговле услугами и утверждает, что существуют значительные несоответствия между обязательствами в региональных соглашениях и ГАТС ВТО. Дюваль и Менцзин [Duval, Mengjing 2017] оценивают обязательства в отношении безбумажной торговли и систематизируют меры, принятые в различных региональных соглашениях, отмечая ряд существенных расхождений. Ирион [Irión 2022] анализирует, как положения в отношении программного кода в соглашениях о свободной торговле влияют на цифровую политику правительств, и обсуждает критику в адрес защиты программного кода посредством законов о цифровой торговле.

В целом можно отметить, что в исследованиях по теме регулирования цифровой торговли существует неявный консенсус о необходимости глобального стандарта регулирования, который позволил бы достичь минимального уровня гармонизации разрозненных норм и

правил. Подобный стандарт способствовал бы включению большинства стран мира в регуляторную архитектуру. Это позволило бы решить проблему фрагментации регулирования цифровой торговли, а также бороться с проблемой растущего разрыв между странами в части готовности к введению подобного регулирования.

Исследования, ориентированные на конкретные страны, в основном сосредоточены на крупнейших игроках, таких как США, ЕС и Китай, а также на странах, которые инициируют многие перспективные переговоры по цифровой торговле. Чен и Гао [Chen, Gao 2023] посвятили свою работу стратегиям США, ЕС, Китая и Индии по развитию цифровой торговли. Они пришли к выводу о дивергентном характере стратегий, применяемых данными игроками, что объясняется стремлением правительств улучшить конкурентные позиции своих стран в глобальной цифровой торговле. В результате подобной конкуренции глобальное регулирование становится более фрагментированным и налагает издержки на предприятия, которые вынуждены оперировать в сложном и многоуровневом регуляторном ландшафте. Гао [Gao, 2018] изучает контрастные подходы США и Китая к цифровой торговле и утверждает, что подход США больше фокусируется на «цифровом» аспекте, в то время как китайский подход сосредоточен на «торговом» аспекте. Ма и др. [Ma et al. 2019] используют слово «облака», или «cloud», для анализа стратегий, связанных с цифровой торговлей, восьми ведущих экономик и создают индекс цифровой торговли для оценки уровня ее развития в 111 странах. Мишра [Mishra 2021] фокусируется на факторах, влияющих на структуру управления данными в Индии, и утверждает, что националистическая структура усиливает антагонистическую позицию Индии в отношении международного сотрудничества в области цифровой торговли и ее регулирования.

Интересная работа была выполнена А. Брэдфорд [Bradford 2023], которая в книге «Цифровые империи: глобальная борьба за регулирование технологий» синтезирует существующие в странах регуляторные подходы в единую систему. В данной системе сосуществуют три центра – три крупнейшие цифровые державы и одновременно генераторы регулирования — США, ЕС и Китай. Остальные страны тяготеют к одному из этих центров, но при этом могут сочетать в себе элементы моделей, присущей двум другим центрам. Брэдфорд [Bradford 2023] также называет США, ЕС и Китай «тремя цифровыми империями».

Специфика модели США, по мнению Брэдфорд, заключается в ее ориентированность на свободный рынок. Данная модель строится вокруг свободы слова, свободного интернета и стимулах для инноваций, предпочитая саморегулирование цифровых компаний и оставляя правительству вторичную роль. Китайская модель, в отличие от нее, жестко управляется государством, направляя технологии на укрепление позиций коммунистической партии. Интернет в этой модели рассматривается как инструмент политического контроля. Европейская модель не склонна выбирать между американской и китайской моделями и вместо этого преследует свою собственную уникальную концепцию, ориентированную на права индивидов. Защита прав индивидов, сохранение демократических прав общества и более справедливое распределение выгод от цифровой экономики имеют центральное значение для европейских политиков. ЕС придерживается мнения, что регулирование цифрового пространства не может контролироваться отдельными компаниями, цифровое пространство должно регулироваться законом и контролироваться демократическими институтами.

Подход Южной Кореи к регулированию цифровой торговли не получил должного внимания в научных исследованиях несмотря на то, что эта страна является важным участником цифровой экономики как производитель цифровой инфраструктуры, а также как звено передачи новейших подходов к регулированию. В данной работе делается попытка восполнить этот пробел. В числе задач настоящего исследования можно выделить: во-первых, предоставить обзор последних изменений в регулировании цифровой торговли на многостороннем и региональном уровнях. Во-вторых, определить национальные интересы Р.Корея в регулировании цифровой торговли через анализ ее конкурентных преимуществ. В-третьих, представить подход Кореи к регулированию цифровой торговли через анализ содержания отдельных соглашений по цифровой торговле и глав об электронной коммерции.

Методология

Результаты данного исследования основаны на анализе содержания глав об электронной коммерции и соглашений о цифровой торговле Южной Кореи. Основным источником для анализа послужила база данных в рамках проекта TAPED (Trade Agreement Provisions on Electronic Commerce and Data), составленная Бурри и др. [Burri, Callo-Müller, Kugler 2022]. Проект TAPED направлен на мониторинг эволюционирующего регулирования цифровой торговли в различных преференциальных торговых соглашениях. Эта база данных содержит наиболее полную и детализированную информацию существующего регулирования цифровой торговли и позволяет проводить сравнения между различными соглашениями и главами по электронной коммерции.

Результаты исследования дополнены интервью с корейскими экспертами в области торговой политики и представителями международного бизнеса, вовлеченного в цифровую экономику в Р.Корея. Организации, принявшие участие в интервью, ведут бизнес в различных секторах, включая кибербезопасность, электронные платформы, страхование и банковское дело, а также облачные услуги. Общее количество интервью средней продолжительностью один час составило 10. Глубинные интервью были структурированы вокруг темы торговых и неторговых барьеров, существующих в стране и считающихся обременительными для иностранных компаний. Интервью позволили пролить свет на протекционистский характер политики Р. Корея в области цифровой торговли, проявляющийся в различных неторговых барьерах. В связи с обязательствами о неразглашении результаты интервью представлены в агрегированной форме в виде общих выводов.

Тенденции в международном регулировании цифровой торговли: глобальный и региональные уровни

В публикациях международных организаций ВТО, ЮНКТАД и ОЭСР [Lopez González, Sorescu, Kaunak 2023], отмечается, что цифровая торговля предусматривает любые транзакции на заказы и/или поставку в цифровой форме. Однако это довольно узкое определение, которое можно расширить, включив в него товары и услуги, доставка которых включает цифровой компонент. Иными словами, включив те товары и услуги, функционирование которых поддерживается цифровыми технологиями. Кроме того, обсуждение регулирования цифровой торговли часто требует еще более широкого понимания цифровой торговли и цифровой экономики, включающее элементы инфраструктуры, которые обеспечивают бесперебойную работу цифровых процессов.

Таким образом, довольно широкий круг вопросов, которые необходимо учитывать при разработке регулирования цифровой торговли, можно объединить в следующие, далеко не исчерпывающие, категории:

- локализация и передача данных: требования хранить данные в определенной юрисдикции или размещать вычислительные мощности в стране пребывания, ограничения или запреты на трансграничные потоки данных;
- технологические вопросы и вопросы соответствия: стандарты безопасности и требования к раскрытию программного кода и алгоритмов шифрования;
- интернет-услуги, включая неуместное применение старых регуляторных режимов к новым бизнес-моделям и неоправданные требования к интернет-платформам в части ответственности за контент и деятельность пользователей, не связанные с интеллектуальной собственностью;
- онлайн-платежи, аутентификация, упрощение процедур торговли и др.: вопросы, связанные с электронными подписями, инициативами по безбумажной торговле, доменными интернет-именами, цифровыми продуктами.

Подходы национальных правительств к регулированию вышеупомянутых вопросов довольно сильно различаются и, как отмечают Чен и Гао [Chen, Gao 2022], часто противоречат друг другу. В настоящее время регулирование развивается по трем направлениям, в основе которых лежат различные приоритеты: свободный рынок, государственный контроль и права на конфиденциальность. США, Китай и Европейский союз, соответственно, представляют три основные силы, движущие данные направления [Bradford 2023].

На глобальном уровне ВТО остается центральным институтом для регулирования цифровой торговли. Несмотря на несоответствие существующих правил ВТО специфике цифровых торговых потоков, отдельные соглашения могут использоваться для целей регулирования (таблица 1). Эти соглашения включают соглашения о торговле услугами, недискриминации и конкуренции, технических барьерах и упрощении процедур торговли. В таблице 1 отмечены те аспекты цифровой торговли, к которым они применимы, в основном они затрагивают стандартные принципы - национальный режим и режим наибольшего благоприятствования (РНБ). С регуляторной точки зрения несколько споров², рассмотренных Органом по разрешению споров ВТО, также могут быть использованы в качестве прецедента, поскольку их решения подтверждают, что обязательства по ГАТС распространяются на онлайн-услуги [APEC 2019].

Таблица 1. Соглашения ВТО, применимые к регулированию цифровой торговли

Положения договоров	Область применения
Первый способ поставки услуг – трансграничная поставка услуги	Трансграничная поставки услуг электронным способом
Второй способ поставки услуг – потребление за границей	Поиск в интернете для приобретения услуги
РНБ (Ст. II)	В части поставки услуг электронным способом
Прозрачность (Ст. III)	В части всех законов и положений, касающихся поставки услуг электронным способом
Развивающиеся страны (Ст. IV)	Участие развивающихся стран в электронной торговле должно поощряться, помимо прочего, применением данной статьи через либерализацию доступа на рынок в

² Споры Mexico Telecom (2004) инициированный США в части телекоммуникационных услуг; Спор US Gambling (2005) инициированный Антигуа в части предоставления азартных услуг онлайн; Спор China Publications (2010) инициированный США в части загрузка ауди- и видео-продуктов; Спор China Electronic Payments (2012) инициированный США в части предоставления услуг оплаты электронными картами.

	тех сегментах, которые представляют для них интерес и посредством более свободного доступа к технологиям
Национальный режим (Ст. XVII)	В части поставки услуг электронным способом, если не указано иное
Конкуренция Competition (монополии и ограничительные бизнес-практики) (Ст. VII и IX):	Расширение электронной коммерции может способствовать сокращению ограничительных бизнес-практик (Ст. IX), помимо прочего, за счет облегчения доступа на рынок мелких поставщиков услуг
Защита от вмешательства в частную жизнь, общественной морали и предотвращения обмана (Ст. XIV)	Применима, но только в случае, если меры не ограничивают торговлю сверх необходимости, а также не носят неоправданно дискриминационный характер и не представляют собой скрытые ограничения на торговлю услугами
Соглашение по техническим барьерам в торговле (ТБТ)	В части стандартов, регулирующих телекоммуникационные и интернет-сети, интероперабельность и стандарты переносимости
Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС):	В части использования аудио- и видео услуг и прав на музыку, продаваемых через интернет
Соглашение по информационным технологиям	В части торговли оборудованием для обеспечения инфраструктуры цифровой торговли
Соглашение об упрощении процедур торговли	В части процедур электронной обработки документов, уплаты таможенных платежей электронным способом до прибытия товаров

Источник: составлено по www.wto.org

Для разработки стандартов регулирования цифровой торговли, направленного на минимизацию барьеров и создание условий для роста и развития цифровой торговли, группа из 89 членов ВТО, включая Р.Корея, инициировала переговоры, известные как Совместная инициатива по электронной коммерции (WTO JSI, далее Инициатива)³. На текущем этапе переговоров в рамках Инициативы, которые сосредоточены на таких вопросах, как содействие инвестициям, национальное регулирование услуг, безопасность, свободная передача данных и т.д., сталкиваются с сильным сопротивлением со стороны развивающихся стран. Развивающиеся страны-члены ВТО рассматривают Инициативу с точки зрения выгод, которые получают, прежде всего, развитые страны, являющимся крупнейшими поставщиками цифровых услуг в мире. На последней Министерской конференции в Абу Даби в феврале 2024 г. страны, согласовав продление моратория на взимание таможенных платежей с передачи данных электронным способом, снова не смогли принять совместного заявления и отложили завершение переговоров [Bond et al., 2024].

Региональный уровень регулирования цифровой торговли

Проблема достижения консенсуса по любому вопросу, касающегося глобального регулирования, возникает из-за нежелания национальных правительств вступать в строго

³ WTO JIEC was proposed by a group of 71 countries, Korea among them, at the 11th Ministerial conference in December 2017. In 2019, the start of these negotiations was confirmed by 76 WTO member (with Korea among them). As of February 2023, 89 WTO members were part of the discussion on digital trade in the WTO.

обязывающие соглашения, которые ограничивали бы их способность регулировать чувствительные сферы, например такие, как конфиденциальность данных и национальная безопасность. Для преодоления этой инерции и достижения минимального уровня координации в создаваемом регулировании страны начали экспериментировать с различными региональными соглашениями. Согласно Бурри и др. [Burri, Callo-Müller, Kugler 2022], к середине 2022 года было заключено 138 торговых соглашений, содержащих положения о цифровой торговле или электронной коммерции. Исследование, проведенное Институтом экономической политики Кореи [Lee et al. 2022], показало, что после 2010 года в региональных торговых соглашениях стали включать положения, касающиеся передачи данных, и особенно те, которые направлены на обеспечение свободной передачи данных и ограничения требований к локализации данных. Мега-торговые соглашения, такие как Соглашение о всеобъемлющем и прогрессивном Транстихоокеанском партнерстве (СРТПР) или Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (RCEP) повлияли на процесс переговоров по цифровой торговле в ВТО, поскольку значительно расширили круг вопросов, которые следует учитывать в рамках регулирования, за счет включения в повестку кибербезопасности и защиты данных. Ранее эти вопросы оставались за пределами торговых переговоров и обсуждались исключительно в рамках форума по управлению интернетом. В отличие от Инициативы ВТО, где страны ведут переговоры о создании общего подхода к регулированию, региональные соглашения различаются по охвату включаемых вопросов и объему принимаемых обязательств. Упомянутое ранее исследование Корейского института экономической политики показало, что свобода передачи данных регулируется по-разному в зонах свободной торговли и различия увеличились после 2016 года. Другое исследование Лопеса Гонсалеса [Lopez González, Sorescu 2021] показывает еще более существенные расхождения в позициях стран по регулированию цифровой торговли. Доклад от St. Gallen Endowment [Fritz, Giardini 2023] описывает развитие политики цифрового управления в странах G20 и выделяет очень фрагментированную регуляторную среду особенно в вопросах защиты данных, защиты потребителей, электронной аутентификации и электронных подписей, являющиеся ключевыми для цифровой торговли. В одних соглашениях страны принимают довольно жесткие обязательства по данным вопросам, обязуясь гармонизировать подходы, а в иных они не обсуждаются вовсе. Тот факт, что некоторые страны участвуют в Совместной инициативе ВТО, не способствует преодолению наблюдаемых различий: в то время как правительства ведут переговоры об общем подходе в ВТО, они сохраняют свою регуляторную автономию по тем же вопросам в рамках региональных переговоров.

Как представляется, различия в регулировании цифровой торговли являются следствием нескольких факторов. Один из них – это отсутствие созданных ранее общих стандартов управления цифровой торговлей; страны при принятии регуляторных мер мотивированы приоритетами национального развития и национальной безопасности. Региональные торговые соглашения позволяют учитывать эти приоритеты и экспериментировать с созданием различных правил в зависимости от страны-партнера по соглашению без ущерба национальным интересам. В то же время государства признают потенциальные издержки и опасности фрагментации торгового режима, что заставляет некоторые страны со схожими взглядами на данные вопросы предпринимать совместные усилия для гармонизации стандартов регулирования. Соглашение о партнёрстве в цифровой экономике (DEPA, СПЦЭ) между 11 странами является примером стремления выработать общий подход к регулированию цифровой торговли. Р.Корея официально присоединилась к СПЦЭ 3 мая 2024 года.

Следует отметить, что СПЦЭ не обязывает его участников к строго следовать его положениям, обязательства носят добровольный характер. Основная цель СПЦЭ, как следует из опубликованного текста, заключается в исследовании различных подходов к управлению цифровой торговлей и поиска точек соприкосновения. Одной из регуляторных инноваций, произведенных СПЦЭ, стали серии Меморандумов о взаимопонимании в

дополнение к основному тексту соглашения, которые объясняют характер конкретных цифровых технологий. В случае изменения технологий участники могут изменять соответствующий меморандум без необходимости обновления соглашения.

Другой фактор, объясняющий дивергенцию регулирования, является сильная регуляторная конкуренция между странами за доминирование подходов. Довольно распространено восприятие, что те страны, чей регуляторный подход займет лидирующее положение, получают больше экономических преимуществ. В этом контексте стоит упомянуть Общий регламент по защите персональных данных⁴ ЕС (ОРЗПД, GDPR, или закон о защите персональных данных). Соответствие данному регламенту является подтверждением того, что режим защиты данных в стране соответствует режиму защиты данных в ЕС. В последние годы наблюдается конвергенция подходов в регулировании данных на его основе, страны, включая Южную Корею, присоединяются к ОРЗПД с целью обеспечения доступа на рынок ЕС.⁵ В результате нормативное влияние ЕС в вопросах регулирования цифровой торговли укрепились. Данное обстоятельство вызывает неодобрение со стороны США, которые также имеют амбиции установить собственные более либеральные регуляторные стандарты.

Как и региональные соглашения, ОРЗПД направлено не столько на устранение ограничений, сколько на формирование пула регуляторных правил, соответствующих лучшим международным стандартам. При этом и соглашения, и ОРЗПД также добавляют регуляторные режимы в регулирование цифровой торговли, тем самым усложняя общую картину. Поскольку подобные инициативы, призванные гармонизировать подходы хотя бы между отдельными странами, не отменяют существующих, объем регулирования продолжает возрастать, приближаясь к ситуации «миски лапши» [Bhagwati 2008]. Отсутствие доминантного центра в вопросе создания международного регулирования цифровой торговли заставляет более слабые страны, в том числе Р.Корею, присоединяться ко всем возможным инициативам, чтобы оказывать влияние на процесс создания регулирования сразу на нескольких уровнях цифровой торговли.

Конкурентные преимущества и подходы к регулированию цифровой торговли Р.Корея

Интерес Р.Корея к регулированию цифровой торговли обусловлен конкурентными преимуществами ее экономики. Среди этих конкурентных преимуществ следует выделить: производственные возможности в сфере полупроводников и ИТ; уровень развития цифровых услуг внутри страны; наличие крупных игроков в сфере цифровых услуг, а также размер рынка электронной коммерции.

-производственные возможности в сфере полупроводников и ИТ

Южная Корея является одной из ключевых стран в цепочках добавленной стоимости, связанных с информационными технологиями. На рынке фаундри⁶ Samsung Electronics с

⁴ Общий регламент по защите персональных данных вступил в действие 25 мая 2018 на территории всех стран-членов ЕС. Под действие ОРЗПД попадает полностью или частично автоматизированная обработка персональных данных граждан ЕС на территории Европейского Союза и за его пределами физическими или юридическими лицами, государственными органами и другими институтами и организациями. Любая, даже некоммерческая, деятельность связанная с обработкой персональных данных попадает под действие GDPR. Закон направлен на достижение более высокого качества гармонизации законодательств стран ЕС и стран-партнеров в отношении защиты данных. // Информация о GDPR на русском языке <https://ogdpr.eu/ru>

⁵ ОРЗПД имеет свои нюансы. Так, существует ряд условий, удовлетворяя которым страна получит статус соответствия ОРЗПД; статус соответствия носит временный характер и должен переподтверждаться после истечения определённого срока; присуждается в одностороннем порядке только ЕС.

⁶ Фаундри – производитель чипов под заказ для сторонних компаний.

долей 12-14% занимает второе место после тайваньского производителя TSMC по объёму выручки [Counterpoint 2024]. Р.Корея принадлежат 44% производственных мощностей в производстве компьютерной памяти и 8% мощностей в производстве 10-нм логических матриц [Varas et al. 2021]. Особенность позиции страны на этих рынках заключается в том, что значительная часть выпускаемой на мощностях компаний Samsung Electronics и SK Hynix продукции используется для внутренних нужд. Поэтому, в отличие от тайваньской TSMC, у них меньше возможностей для производства чипов под заказ.

Инвестиции, которые южнокорейская компания Samsung Electronics сделала в 2022-2023 годах в производство чипов в США, а также планы на совместные инвестиции в НИОКР и человеческий капитал в партнёрстве с ASML, эксклюзивным производителем оборудования для EUV-литографии в Нидерландах, помогут укрепить позиции Кореи в цепочках добавленной стоимости по производству цифровых технологий в качестве производителя чипов для других компаний [Kim 2024].

- развитие цифровых услуг внутри страны

Южная Корея считается страной с высокой степенью цифровизации услуг. Среди достижений можно отметить UniPass корейской таможенной службы, а также систему электронных закупок KONEPS, которая получила Премию Организации Объединённых Наций по обслуживанию общества [MOIS 2013] и была выбрана ОЭСР как один из лучших случаев повышения прозрачности механизма закупок. Система Home Tax, применяемая в стране, позволяет гражданам и малым компаниям подавать налоговые декларации или декларации НДС в электронном виде и получать автоматические возвраты, если это необходимо. В середине 2010-х годов обе системы были рекомендованы ООН или ОЭСР за их простоту и эффективность [Chung 2015].

Однако следует заметить, что в отличие от секторов госуслуг, примеры которых приведены выше, другие сферы услуг с точки зрения цифровизации развиты неравномерно. Наиболее развиты услуги предоставления контента (фильмы, музыка, игры), обладающие высокой международной конкурентоспособностью, кроме того, Южная Корея планомерно укрепляет международные позиции своего финансового сектора за счет выхода на рынки стран Юго-восточной Азии.

Так, в 2023 году объём экспорта контента достиг рекордной отметки в 13,3 миллиарда долларов США, что побудило правительство поставить цель довести этот показатель до 25 миллиардов долларов США к 2027 году [Shim 2023]. В 2023 году объём зарубежных активов (в основном в Индонезии, Вьетнаме и Индии) под управлением одной из крупнейших управляющих компаний страны, Mirae Asset, достиг 3 миллиардов долларов США.

Однако другие сферы финансовой отрасли, например банковской, а также других услуг заметно уступают западным и региональным игрокам из Сингапура и Гонконга. Это заставляет корейское правительство проводить протекционистскую политику в финансовой сфере, что отражается в таких показателях, как индекс торговли цифровыми услугами, составляемый ОЭСР. Уровень индекса для Р.Корея выше, чем у многих стран, мониторинг которых проводит ОЭСР.

- размер рынка электронной коммерции

В 2023 году внутренний рынок электронной коммерции Южной Кореи вырос на 8,3%, достигнув 170,9 миллиарда долларов США. Это пятый по величине рынок электронной

коммерции в мире после Китая, США, Великобритании и Японии. Высокая степень проникновения интернета среди населения способствует росту онлайн продаж, поскольку 73% покупок совершаются через мобильные устройства [Statista, 2024]. Учитывая, что доля электронной коммерции составляет 2,5% от розничных продаж по сравнению с 19% в США, у корейского рынка электронной коммерции есть значительный потенциал для роста. При этом следует заметить, что при этом Р.Корея она не является значимым экспортером услуг электронной коммерции. Одной из основных проблем является система онлайн платежей, поскольку оплата иностранными картами на корейских сайтах довольно затруднительна. В стране действует уникальная система идентификации при проведении платежей онлайн, требующая наличия корейского номера телефона у держателя карты.

Вопросы национальной безопасности стимулируют Р.Корею сохранять довольно сложные процедуры для онлайн-платежей. Близость Северной Кореи и нестабильные отношения между двумя государствами заставляют Корею создавать дополнительные уровни проверки безопасности, что влияет на системы обеспечения цифровой торговли. Несмотря на ведущиеся дискуссии о необходимости изменений для повышения коннективности корейского онлайн рынка с мировым, вопрос неизменно сводится к северокорейской проблеме и осложняет достижение консенсуса.

В целом, интересы Кореи в отношении регулирования цифровой торговли направлены на то, чтобы обеспечить интересы производителей полупроводников, поставщиков цифровых услуг, участников рынка электронной коммерции и при этом соблюсти национальные экономические интересы.

Так, производители полупроводников будут выигрывать от дальнейшего развития цифровой торговли, поскольку это повысит спрос на их продукцию. Они заинтересованы в наличии регулирования в целом, так как оно делает ситуацию на рынке более предсказуемой, снижает риски. Предпочтения корейских поставщиков цифровых услуг различаются. За исключением нескольких крупных игроков, большинство предпочитают более строгое регулирование, так как это защитит внутренний рынок от иностранных конкурентов. Однако экспортеры корейского контента зависят от свободы передачи данных, поскольку это напрямую влияет на их экспортные возможности. Компромисс между двумя столь разными позициями может быть найден в рамках регионального подхода в цифровой торговой политике, который позволяет варьировать обязательства в зависимости от партнёра по соглашению и размер выгоды, которые страна может получить.

Рынок электронной коммерции в Р.Корея ориентирован преимущественно на внутренних потребителей, соответственно, для них важнее ограничить доступ иностранных онлайн платформ, соответственно, они могут предпочитать более строгое регулирование. В то же время некоторые участники рынка хотели бы расширить свое международное присутствие для экспорта товаров моды и косметики, например компания по доставке Coupang. В этом случае для корейских фирм важны совместимость цифровых стандартов, платежным систем и систем аутентификации, а значит – гармонизация правил способствовала бы бизнесу.

Государство в вопросе развития цифровой торговли руководствуется также соображениями конфиденциальности и безопасности, что заставляет его вводить дополнительное регулирование, которое не всегда приветствуется бизнесом. Между общественными потребностями и интересами бизнеса всегда присутствует напряжённость. Это напряжение в первую очередь связано с тем, что общественность обеспокоена ситуацией внутри страны,

в то время как корейский бизнес в высшей степени ориентирован на получение доступа к международным рынкам. Однако в условиях цифровой экономики международное сотрудничество необходимо даже для обеспечения защиты потребителей, конфиденциальности или кибербезопасности. Реализовать эти задачи не под силу в одиночку даже крупным экономикам, поэтому Р.Корея вынуждена сохранять определенный уровень открытости в вопросах регулирования цифровой торговли. Кроме того, в интересах Кореи иметь механизмы защиты своих фирм в случае споров, стимулировать инновации и продвигать экспорт цифровых продуктов.

Подход Р.Корея к регулированию цифровой торговли в региональных торговых соглашениях

Р.Корея активно продвигает вопросы регулирования цифровой торговли в торговых соглашениях. Впервые вопросы электронной коммерции были включены в соглашение о свободной торговле (ССТ) с Сингапуром в 2006 году. Однако, эта глава не содержала новых подходов к регулированию и ограничивалась общими положениями о совместных усилиях по развитию электронной коммерции. Так, глава подтверждала национальный режим в торговле цифровыми продуктами вместе с обязательствами не применять таможенные пошлины или другие сборы к продуктам, доставляемым электронным способом.

Обновленное Соглашение о цифровом партнерстве Р.Корея и Сингапура, вступившее в силу 14 января 2023 г., более амбициозно⁷ по своему характеру, поскольку оно охватывает широкий спектр современных вопросов в области цифровой торговли, включая передачу данных, конкуренцию, конфиденциальность и защиту программного кода (таблица 2). Важно отметить, что в соглашении предусмотрены положения об электронных счетах-фактурах, облегчении электронных платежей, положения об электронной аутентификации, электронных подписях или цифровых сертификатах, безбумажной торговле, положения об автоматизации таможенных процедур, обмене таможенными данными, защите потребителей и сетевой нейтральности. Эти вопросы редко включаются Южной Кореей в главы об электронной коммерции с партнерами вне Азии. Корейские эксперты связывают данное обстоятельство (включение прогрессивных вопросов в соглашения с азиатскими партнерами) с тем, что Р.Корея рассматривает азиатские страны как более развитые с точки зрения цифровой инфраструктуры, соответственно, они более подготовлены к выполнению обязательств, касающихся, например, электронных подписей, аутентификации и пр.

На момент подписания в 2011 г. ССТ между Кореей и ЕС было одним из наиболее амбициозных с точки зрения обязательств в области торговли товарами и услугами, однако оно практически не затрагивало регулирование цифровой торговли за исключением общих положений. Ведущиеся переговоры о цифровой торговле с большой долей вероятности будут включать больший спектр вопросов.

ССТ между Кореей и США в версии от 2012 г. содержало главу об электронной коммерции, в которой присутствовали обязательства о свободной передаче данных. На протяжении длительного времени это было единственное торговое соглашение Кореи, в котором содержалось подобное обязательство. Обновленное соглашение от 2018 года [USTR 2019] не включало дополнительных положений о регулировании цифровой торговли несмотря на то, что к тому моменту в международном сообществе уже обсуждались многие вопросы о регулировании цифровой торговли, обусловленные развитием технологий. В результате

⁷ Данное соглашение довольно часто упоминается как наиболее амбициозное, включающее наиболее широкий круг вопросов повестки регулирования цифровой торговли. Однако в тексте присутствуют поправки, позволяющие сторонам отходить от полного обмена данными [Korea-Singapore Digital Partnership Agreement 2023].

ССТ США стало отставать по уровню амбициозности особенно от других региональных соглашений особенно в части прайвеси и безопасности.⁸

С точки зрения наполняемости повестки регулирования цифровой торговли особое внимание заслуживают два ССТ – соглашение между Южной Кореей и Австралией и Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП). Оба соглашения охватывают значительное количество вопросов, неотъемлемых для международных переговоров по регулированию цифровой торговли (таблица 2). ВРЭП также включает механизм разрешения споров в рамках главы, посвященной цифровой торговле. Однако эти соглашения уступают уровню обязательств соглашения с Сингапуром, которое, как отмечалось, охватывает значительно более широкий спектр актуальных вопросов. Различный уровень экономического развития и политических режимов стран-членов ВРЭП естественным образом ограничивают пространство для согласования общих стандартов регулирования.

Главы о цифровой торговле в соглашениях с Китаем, Вьетнамом, Центральной Америкой, Перу, Израилем, Колумбией и Канадой ограничены по сравнению с соглашением о цифровой торговле Южная Корея-Сингапур. Эти главы в основном соблюдают правила и рекомендации ВТО, касающиеся электронной коммерции в части национального режима и недискриминации. Особо стоит отметить, что соглашения с Австралией, Вьетнамом, Сингапуром и ВРЭП включают положения, обязывающие соблюдать Модельный закон ООН об электронной торговле (UNCITRAL).

3 мая 2024 года Корея официально стала членом еще одного плюрилатерального соглашения в области цифровой торговли, известного как Соглашение о партнерстве в цифровой экономике (СПЭЦ; Digital Economy Partnership Agreement; DEPA). СПЭЦ имеет общие черты с соглашением между Южной Кореей и Сингапуром, однако его обязательства по электронной аутентификации и цифровым сертификатам более узкие. Вероятнее всего это обстоятельство обусловлено различиями в уровне технологического развития среди стран-членов соглашения. СПЭЦ также не содержит положений об интернет-нейтральности и запретов требовать передачи или доступа к программному коду, оно делает больший акцент на применение и уделяет большее внимание соблюдению внутреннего законодательства стран-подписантов в области защиты данных, в то время как соглашение с Сингапуром акцентирует соблюдение международных норм в данном вопросе.

В целом следует заметить, в значительном числе корейских соглашений, за исключением СПЭЦ, постулируется приверженность международным стандартам в области регулирования цифровой торговли. Данный факт можно интерпретировать как поддержку со стороны Р.Корея многостороннего подхода и стремление уже на раннем этапе создания интегрировать разные уровни регулирования цифровой торговли. Региональные соглашения, в этом случае, являются платформой для определения различий и выработки общих подходов.

Гармонизация именно с международными правилами уже на ранней стадии создания регулирования цифровой торговли может давать несколько преимуществ. Во-первых, на международные правила можно ориентироваться в случае возникновения разногласий между странами. Во-вторых, они предлагают общую основу для изменений в соответствующем внутреннем законодательстве. Несмотря на то, что законы ЮНСИТРАЛ не являются юридически обязательными, при включении их в главы региональных соглашений правительства вынуждены учитывать их в регуляторной практике и вносить поправки во внутреннее законодательство.⁹ В-третьих, гармонизация с международными стандартами позволяет Р.Корея повышать уровень собственного регулирования и влиять на

⁸ Р.Корея и США взаимодействуют по вопросам прайвеси и безопасности, однако эти вопросы не вошли в текст ССТ.

⁹ The Regional Centre for Asia and the Pacific of UNCITRAL is in the RoK. UNCITRAL Regional Centre for Asia and the Pacific's official web-page https://uncitral.un.org/en/TA/regionalcentre_asia_pacific [accessed 28.02.2024].

выработку глобальных правил. Включая международные нормы в соглашения с партнерами в Азии, Корея повышает свое региональное и международное влияние.

Отдельного внимания заслуживает стиль соглашений о свободной торговле Р.Корея. В случае многих соглашений особенно в части, касающейся электронной торговли, он является довольно общим без детализации того, как будут исполняться обязательства, часто лишены определений в части технологий и цифровых процессов. Подобный подход позволяет гибко интерпретировать соглашения особенно в тех случаях, когда упоминаются исключения, связанные с вопросами безопасности. Фразы, подобные такой, как "законные национальные интересы", оставляют пространство для истолкования, поскольку национальные интересы означают разное в каждом конкретном случае. Например, Комиссия по защите персональных данных Кореи (PIPC) оставляет за собой право приостановить передачу персональных данных за рубеж, если это наносит ущерб национальным интересам [Data Guidance 2024; ICGI 2024].¹⁰ Таким образом государство избегает жесткой фиксации обязательств и оставляет для себя пространство для маневра. Еще один аспект, на который следует обратить внимание, это отсутствие вопроса о конкуренции в корейских соглашениях, включая обновленное соглашение с Сингапуром. Конкуренция является одним из наиболее чувствительных вопросов в торговой практике. Существующие правила ВТО, положения в традиционных торговых соглашениях, касающиеся цифровой торговли, мало применимы к цифровому пространству, потому что они не учитывают специфику защиты данных и тот факт, что доступ к данным может улучшать или ухудшать конкурентные позиции.

В образовавшемся вакууме национальные правительства могут создавать неторговые барьеры, ограничивающие конкуренцию, с целью защиты отдельных секторов цифровой экономики, нередко прибегая к аргументу о национальной безопасности. В результате такой регуляторной неопределенности некоторые из существующих правил в Р.Корее становятся источником недобросовестной конкурентной среды, затрудняя деятельность для иностранных компаний. Например, сетевые сборы в стране в десять раз превышают стоимость в других странах, и утверждается, что корейские компании, использующие те же системы, платят значительно меньше. Поскольку некоторые поставщики интернет-услуг в Корее являются также поставщиками контента, сборы, взимаемые с иностранных поставщиков контента, могут приносить выгоду корейским провайдерам. Вопрос о том, что такая ситуация представляет собой неторговые барьеры (NTB) [USTR 2023] и, следовательно, противоречит правилам ВТО, поднимался США, но не был эффективно решен.

Довольно специфичным является и корейское регулирование финансовой индустрии. Комиссия по финансовым услугам (FSC) требует разделения (сегрегации) сетей обработки данных для международных и внутренних транзакций. Данное требование обусловлено положениями о национальной безопасности и запрещает передачу любых данных о внутренних финансовых транзакциях за рубеж. Все данные о финансовых транзакциях должны находиться на территории Южной Кореи в отдельной сети [Data Guidance 2024]. Подобное требование повышает издержки ведения бизнеса в стране и становится объектом жалоб со стороны иностранных игроков. Иностранные финансовые учреждения отмечают более высокую стоимость подключения к сетям по сравнению со стоимостью подключения для корейских банков.¹¹

¹⁰ Обновленная редакция Закона о защите персональных данных позволяет передачу данных в следующих случаях: 1) если страна, куда осуществляется передача данных обладает уровнем защиты данных, сопоставимым с уровнем защиты в Р.Корее; 2) если страна, куда осуществляется передача данных, имеет подписанное с Р.Корее соглашение о передаче данных; 3) если акт передачи данных удовлетворяет условиям контракта, в котором раскрываются детали хранения данных; 4) если организация получатель данных сертифицирована Комиссией по защите персональных данных. [Giardini, Buza 2023]

¹¹ Результаты интервью с представителями иностранного бизнеса в Сеуле, Р.Корея.

Спорным является и вопрос о шифровании данных (encryption), которые практически не затрагиваются в торговых соглашениях Южной Кореи, хотя представляет важность для цифровой торговли. В стране используется собственный стандарт шифрования, отличный от международного стандарта. Компании, предоставляющие услуги государственному сектору, общественным организациям, вынуждены использовать корейский стандарт шифрования, который, по мнению специалистов, не обеспечивает достаточного уровня защиты данных. Но поскольку иностранные провайдеры цифровых услуг используют международные стандарты шифрования данных, они не могут оказывать услуги государственным и общественным организациям.

Таблица 2. Вопросы, связанные с цифровой торговлей, урегулированные в торговых соглашениях Кореи (+ означает, что вопрос учитывается в соглашении)

Вопросы регулирования / соглашение	Кор - Перу	Кор-США	Кор-Австр	Кор - Кан	Кор-Китай	Кор - Вьет	Кор - Кол	Кор - ЦА	ВРЭ П	Кор - Изр	Кор - Синг
Глава об электронной коммерции	+	+	+	+	+	+	+	+			
Применимость правил ВТО	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+
Применимость типового закона ЮНСИТРАЛ об электронной коммерции			+			+	+		+	+	+
Таможенные пошлины	+	+	+	+	+				+		+
Электронная аутентификация и электронные подписи	+/-	+	+		+	+			+	+	+
Защита потребителей онлайн	+	+	+	+		+		+		+	+
Безбумажная торговля	+	+	+	+	+/-	+	+	+	+	+	+
Доступ и использование интернета для электронной коммерции		+									+
Транс-граничная передача данных		+							+		+
Спам			+						+		+
Сотрудничество по вопросам цифровой торговли	+			+	+	+	+	+	+	+	+
Электронная поставка услуг								+		+	

Искусственный интеллект											+
Сотрудничество в области финтеха											+
Цифровые удостоверения											+
Стандарты, технические регламенты и процедуры оценки соответствия для цифровой экономики											+
МСБ и стартапы											+
Взаимодействие со стейкхолдерами											+

Источник: создано автором на основе текстов соглашений, опубликованных на www.fta.go.kr

В целом, обязательства, закрепленные в соглашениях Р.Корея о цифровой торговле и главах об электронной коммерции, отражают стремление играть важную роль в выработке правил цифровой торговли, но в то же время указывают на желание защитить ряд чувствительных областей. Страна использует любую возможность для стратегического взаимодействия и сотрудничества с другими правительствами для формирования блока стран, работающих вместе в рамках ВТО и координирующих общий голос, однако не готова к гармонизации правил по ряду вопросов, которые связаны с национальной безопасностью. Для постепенного сближения позиций страна использует региональные соглашения торговле.

Роль Р.Корея в создании международной архитектуры регулирования цифровой торговли

Р.Корея была одной из первых стран, которая начала активно взаимодействовать с двумя цифровыми державами – США и ЕС по вопросам регулирования цифровой торговли. В случае с США это было соглашение о свободной торговле с положением о свободной передаче цифровых данных, в случае с ЕС – это соответствие ОРЗПД¹². В результате последовавших изменений во внутреннем законодательстве, которые Р.Корея была вынуждена осуществить, ее собственные стандарты в регулировании аспектов, имеющих отношение к цифровой торговле, повысились. Это обстоятельство имеет значение для следующих переговоров, так как Р.Корея приступает к ним с более сильных позиций.

В то же время следует заметить, что в случаях с США и ЕС Корея выступала как ведомый, перенимая подходы к регулированию, а не инициатор новых норм. Подобная роль реципиент создавал для страны определенные преимущества. Во-первых, она была одной из первых, кто адаптировался к новым нормам регулирования в условиях цифровой экономики. Более позднее присоединение к регуляторным инициативам сопряжено с большими временными и материальными издержками. Будучи реципиентом на ранних стадиях выработки регулирования, страна получает возможность гармонизировать собственные нормы с международными стандартами в более комфортном временном

¹² Информация о GDPR на русском языке <https://ogdpr.eu/ru>

режиме, изменяя их постпенно, если того требует ситуация. Внесение изменений на более поздних этапах, когда международное регулирование уже сложилось и расхождение с ним довольно велико, требует значительно больших усилий.

Во-вторых, раннее участие в различных регуляторных инициативах укрепляет восприятие Южной Кореи как технологически развитой нации и важного игрока в регулировании вопросов цифровой торговли. С этой точки зрения партнёрство с крупными странами, такими как ЕС и США, обладающими большой нормативной силой, выгодно Р.Корея, потому что она перенимает часть этой нормативной силы через ранне принятые правила.

В то же время определенная гармонизация с нормативными практиками США и ЕС не означает, что Р.Корея соглашается со всем, что предлагают более сильные партнёры. Напротив, Корея выбирает только те аспекты и соглашается только с теми принципами, которые соответствуют потребностям корейского общества и корейского бизнеса. Страна не хочет излишне либерализовать свой рынок, как это делают США. Также Корея не хотела бы вводить слишком много правил для технологических компаний, как это делает ЕС. Страна стремится к балансированию интересов различных участников, чтобы максимизировать общую выгоду.

Можно говорить о том, что Южная Корея — это государство-драйвер, обладающее развитыми демократическими институтами, обуславливающими соблюдение государственных, частных и общественных интересов в любом регулировании. В результате Р.Корея заимствует элементы европейской модели регулирования, ставящей в центр права общества и индивида, и элементы американской модели с ориентацией на интересы бизнеса. Однако в обоих этих случаях случае инициатива исходит от государства. Доминирующая роль государства в выработке норм сближает Р.Корея с Китаем.

Стремление сочетать элементы рыночной, государственной и правовой моделей регулирования влияет на подход Южной Кореи к регулированию цифровой торговли как на многостороннем, так и на региональном уровнях. Объединяя все три подхода, она экспортирует свое собственное видение регулирования цифровой торговли через региональную торговую политику, тем самым оказывая влияние на выработку регулирования цифровой торговли в других странах.

Заключение

В данном исследовании был рассмотрен подход Р.Корея к выработке международного регулирования цифровой торговли. Исследование анализирует основные тенденции на многостороннем уровне, представленным ВТО, и на региональном уровне, представленным преференциальными соглашениями о свободной торговле. В работе отмечается, что подход Южной Кореи к регулированию цифровой торговли определяется ее конкурентными преимуществами как производителя передовых ИТ-технологий, размерами внутреннего рынка электронной коммерции, интересами экспортеров цифровых услуг, а также интересами национальной безопасности. Будучи азиатской страной с сильным патерналистским государством, но развитыми демократическими институтами, Южная Корея стремится обеспечивать учет интересов всех сторон (государства, общества, бизнеса) в процессе формирования регулирования цифровой торговли.

До сих пор играя активную роль в создании регуляторных норм цифровой торговли, Корея проявляла большую осторожность в принятии на себя жестких обязательств. Подобная сдержанность была продиктована желанием постепенной адаптации формируемым международным правилам. В корейских соглашениях, содержащих главу об электронной коммерции, либо отдельных соглашениях об электронной торговле наблюдается значительная вариативность в уровне обязательств и охвата ключевых вопросов в управлении данными. Однако, адаптирую свою позицию в соответствии с тем, кто выступает партнером по соглашению, Корея действует в целях максимизации своих интересов, которые заключаются в следующем: стимулировать экспорт корейских

компаний, снизить издержки будущей адаптации, укрепить международный статус как прогрессивной страны в сфере регулирования цифровой торговли. Смешивая подходы к регулированию, ставящие в центр государственные, рыночные интересы и права граждан, Р.Корея вносит новый уровень в международное регулирование, показывая альтернативный подход. В то же время Р.Корея заинтересована в сохранении роли ВТО как организации, предлагающую базовый каркас для регулирования цифровой торговли и обеспечивающий участие в нем большинства экономик мира.

Список источников (References)

APEC (Asia-Pacific Economic Cooperation) (2019) FTAAP Capacity Building Workshop on E-Commerce Elements in FTAs/RTAs. Seoul, 17–18 September. Workshop Summary. Available at: https://www.apec.org/docs/default-source/Publications/2019/12/FTAAP-Capacity-Building-Workshop-on-E-commerce-Elements-in-FTAs-RTAs/219_CTI_FTAAP-Capacity-Building-Workshop-on-E-commerce-Elements-in-FTAs-RTAs.pdf (accessed 21 January 2024).

Bond D. E., Eglin R., Sabitha N. R., Saccomanno I. (2024) WTO Extends E-Commerce Tariff Moratorium as Broader Negotiations Continue. White & Case, 7 March. Available at: <https://www.whitecase.com/insight-alert/wto-extends-e-commerce-tariff-moratorium-broader-negotiations-continue> (accessed 15 March 2024).

Bradford A. (2023) *Digital Empires: The Global Battle to Regulate Technology*. New York: Oxford Academic. Available at: <https://doi.org/10.1093/oso/9780197649268.001.0001>

Bhagwati J. N. (2008) *Termites in the Trading System: How Preferential Agreements Undermine Free Trade*. Oxford: Oxford University Press.

Burri, M. (2020) Trade in services regulation in the data-driven economy. *Trade Law Dev* 12, 208–240.

Burri M., Callo-Müller M.V., Kugler K. (2022) TAPED: Trade Agreement Provisions on Electronic Commerce and Data. University of Lucerne Faculty of Law. Available at: <https://unilu.ch/taped> (accessed 25 August 2024).

Chen Y., Gao Y. (2022) Comparative Analysis of Digital Trade Development Strategies and Governance Approaches. *Journal of Digital Economy*, vol. 1, issue 3, pp. 227–38. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jdec.2023.02.001>

Chung C. (2015) The Introduction of E-Government in Korea: Development Journey, Outcomes and Future. *Gestion et management public*, vol. 3, no 4, pp 107–22. Available at: <https://doi.org/10.3917/gmp.034.0107>

Counterpoint (2024) Global Semiconductor Foundry Revenue Share: Quarterly, June 12. Available at: <https://www.counterpointresearch.com/insights/global-semiconductor-foundry-market-share/> (accessed 28 August 2024).

Data Guidance (2024) South Korea: Data Protection Overview. Available at: <https://www.dataguidance.com/notes/south-korea-data-protection-overview> (accessed 28 August 2024).

Duval Y., Mengjing K. (2017) Digital Trade Facilitation: Paperless Trade in Regional Trade Agreements. ADBI Working Paper No 747, Asian Development Bank Institute. Available at: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/321851/adbi-wp747.pdf> (accessed 5 December 2023).

Fritz J., Giardini T. (2023) Data Governance Regulation in the G20: A Systematic Comparison of Rules and Their Effect on Digital Fragmentation. Digital Policy Alert, 6 November. Available at: <https://digitalpolicyalert.org/report/fragmentation-risk-in-g20-data-governance-regulation> (accessed 8 February 2024).

Gao H. (2018) Digital or Trade? The Contrasting Approaches of China and US to Digital Trade. *Journal of International Economic Law*, vol. 21, issue 2, pp. 297–321. Available at: <https://doi.org/10.1093/jiel/jgy015>

Giardini T., Buza, M. (2023) DPA Digital Digest: Republic of Korea. Digital Policy Alert, 24 April. Available at: <https://digitalpolicyalert.org/digest/dpa-digital-digest-republic-of-korea> (accessed 28 November 2023).

ICGL (2024) Digital Business Laws and Regulations: Korea 2024. Available at: <https://iclg.com/practice-areas/digital-business-laws-and-regulations/korea> (accessed 26 February 2024).

Irion K. (2022) Algorithms Off-Limits? If Digital Trade Law Restricts Access to Source Code of Software Then Accountability Will Suffer. *Proceedings of the 2022 ACM Conference on Fairness, Accountability, and Transparency*. Available at: <https://doi.org/10.1145/3531146.3533212>

Jaax A., Miroudot S., van Lieshout E. (2023) Deglobalisation? The Reorganisation of Global Value Chains in a Changing World. OECD Trade Policy Papers No 272, Organisation for Economic Co-operation and Trade. Available at: <https://doi.org/10.1787/b15b74fe-en>

Kim E. (2024) The Korea-Netherlands Strategic Alliance to Be Announced Will Be the Cornerstone for Korea's Winning Strategy in the Semiconductor Market. Available at: https://www.linkedin.com/posts/eric-kim-phd_asml-2nano-semiconductor-activity-7140474942466273280-VexP/ (accessed 28 February 2024).

Korea-Singapore Digital Partnership Agreement (2023) Available at: <https://www.mti.gov.sg/Trade/Digital-Economy-Agreements/KSDPA> (accessed 28 February 2024)

Lee K. Y., Choi W. S., Park J. H., Eom J.-H., Kang M., Whang U. (2022) The Challenges of Adapting Trade Policies to the Digital Era. KIEP Research Paper, *World Economy Brief* 22-01. Available at: <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4055003>

Lopez Gonzalez J., Ferencz J. (2018) Digital Trade and Market Openness. OECD Trade Policy Papers No 217, Organisation for Economic Co-operation and Trade. Available at: <https://doi.org/10.1787/1bd89c9a-en>

López González J., Sorescu S. (2021) Seizing Opportunities for Digital Trade. *Development Co-operation Report 2021: Shaping a Just Digital Transformation*. Organisation for Economic Co-operation and Trade. Available at: <https://doi.org/10.1787/bc4081f3-en>

López González J., Sorescu S., Kaynak P. (2023) Of Bytes and Trade: Quantifying the Impact of Digitalisation on Trade. OECD Trade Policy Papers, No 273, Organisation for Economic Co-operation and Trade. Available at: <https://doi.org/10.1787/11889f2a-en>

Ma S., Guo J., Zhang H. (2019) Policy Analysis and Development Evaluation of Digital Trade: An International Comparison. *China & World Economy*, vol. 27, issue 3, pp. 49–75. Available at: <https://doi.org/10.1111/cwe.12280>

Meltzer J.P. (2019) Governing Digital Trade. *World Trade Review*, vol. 18, issue S1, pp. S23–S48. Available at: <https://doi.org/10.1017/S1474745618000502>

Ministry of the Interior and Safety (MOIS) (2013) Korea Ranked 1st Place Once Again in the United Nations E-Go. News & Notices, 28 November. Available at: https://mois.go.kr/eng/bbs/type001/commonSelectBoardArticle.do%3Bjsessionid=HZrL1L1nTGse24AsxMsBeB6a0QNiNn2xmG3gOaBtjIw6C4R397f9txNZRJUXab9b.mopwas51_servlet_engine1?bbsId=BBSMSTR_000000000019&nttId=207 (accessed 28 February 2024).

Mishra N. (2023) Data Governance and Digital Trade in India: Losing Sight of the Forest for the Trees? *Data Sovereignty: From the Digital Silk Road to the Return of the State* (A. Chander, H. Sun (eds)). New York: Oxford Academic.

Mitchell A., Mishra N. (2021) WTO Law and Cross-Border Data Flows: An Unfinished Agenda. *Big Data and Global Trade Law* (M. Burri (ed)). Cambridge: Cambridge University Press. Available at: <https://doi.org/10.1017/9781108919234.006>

Monteiro J.A., Teh R. (2017) Provisions on Electronic Commerce in Regional Trade Agreements. WTO Working Paper ERSD-2017-11. Available at: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3005148>

Mourougane A. (2021) Measuring Digital Trade. OECD Going Digital Toolkit Notes No 22, Organisation for Economic Co-operation and Development. Available at: <https://doi.org/10.1787/48e68967-en>

Shim S.-A. (2023) S. Korea Aims to Double K-Content Exports to US\$25 Bln by 2027. Yonhap News Agency, 23 February. Available at: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20230223007300315> (accessed 12 January 2024).

Statista (2024) Ownership Rate of Smartphones in South Korea from 2011 to 2023. Available at: <https://www.statista.com/statistics/777726/south-korea-smartphone-ownership/> (accessed 28 August 2024).

United States Trade Representative (USTR) (2019) US-KOREA FTA Revised Text as of 1 January 2019. Available at: <https://ustr.gov/trade-agreements/free-trade-agreements/korus-fta/final-text> (accessed 26 January 2024).

United States Trade Representative (USTR) (2023) National Trade Estimate Report on Foreign Trade Barriers. Available at: <https://ustr.gov/sites/default/files/2023-03/2023%20NTE%20Report.pdf> (accessed 24 November 2023).

Varas A., Varadarajan R., Goodrich J., Yinug F. (2021) Strengthening the Global Semiconductor Value Chain. Available at: https://www.semiconductors.org/wp-content/uploads/2021/05/BCG-x-SIA-Strengthening-the-Global-Semiconductor-Value-Chain-April-2021_1.pdf (accessed 12 January 2024).

Weber R. H. (2015) Digital Trade and E-Commerce: Challenges and Opportunities of the Asia-Pacific Regionalism. *Asian Journal of WTO & International Health Law and Policy*, vol. 10, no 2, pp. 321–48. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2669347> (accessed 3 August 2023).

South Korea's Place in the Evolving Global Regulation on Digital Trade Architecture ¹³

I. Korgun

Irina Korgun - Ph.D., Assistant Professor, HUFSS, Seoul, South Korea, 02450 107 Imun-ro, Dongdaemun-gu, Seoul; irinakorgun@gmail.com

Abstract

Regulation of digital trade is becoming one of the drivers of fragmentation in the world economy. In the absence of a common international standard on digital trade governance, countries take different approaches to regulation. Each country adds a layer to the existing digital trade regimes, resulting in what has been famously described as the “spaghetti bowl” effect. This article investigates Korea’s unique position in the evolving global regulation of digital trade and the added value the country brings to the process of co-creating a common reference for international best practices. The article contributes to the ongoing debate about the dichotomy of global and regional layers of global digital trade regulation by looking at the existing regulation by the World Trade Organization (WTO) and regional agreements. Research indicates that, for many countries, including Korea, digital trade agreements, or free trade agreements (FTAs) with e-commerce chapters, serve as platforms not only to experiment with possible regulations but also to increase their negotiating and normative power in co-creating global standards for digital trade regulation. This article presents evidence that Korea is a proponent of the WTO’s role in providing a common reference for the regulatory standards on digital trade. When it comes to digital trade agreements, Korea is actively engaging with its partners to update existing trade rules. However, its commitments under various agreements show a great variation and heavy use of the national security carve-out, indicating a desire to leave a comfortable space for future policy actions. Also, Korea’s early engagement with strong economic partners on digital trade regulation speaks in favour of its desire to acquire more internationally acknowledged normative power. By assuming a high standard of digital trade regulation, the country can negotiate better deals with other partners—deals that will contribute to its national interests.

Key words: regulatory fragmentation, digital trade, trade policy, Korea, digital trade agreements, WTO

¹³ This article was submitted on 28.02.2024

For citation: Korgun I. (2024) South Korea's place in the evolving global regulation on digital trade architecture. *International Organisations Research Journal*, vol. 19, no 3, pp. (in English). doi:10.17323/1996-7845-2024-03-04